

Нам осталось отметить некоторые художественные особенности повести. Ее близость к фольклору видна уже с первых строк в повторе — 300 плах, 300 топоров и 300 палачей, в списке ГИМ, № 3996 сказано даже «триста топоров». Типично фольклорный прием применен и в описании того, как собирали на казнь: каждый палач «имал» по одному человеку «по росписи», и, таким образом, набралось 300 человек.

Иван Грозный в повести наделен многими народно-песенными чертами, которые мы знаем из некоторых исторических песен. Здесь же присутствует типичное для ряда поздних исторических песен описание того, как царь испугался ужасного результата своей жестокости, в данном случае жизнедеятельности обезглавленного трупа, и усакал от места казни в свои палаты.³⁰ Тем не менее в повести нет налета враждебности по отношению к Грозному. Она проглянула лишь в одном из списков (ГПБ, Q.XVII.252), где говорится, что царь лично вместе с псарями помогал пригнуть голову жертвы к плахе. То, что такое дополнение появилось именно в новгородском списке, вполне понятно: лишний раз проявилась долго жившая в Новгороде ненависть к Грозному, знакомая нам по характерному новгородскому циклу исторических песен о нем.

Язык повести лаконичен и ярок, а отдельные места достигают большой художественной силы. Замечательно сказано, например, что после отъезда царя «палачи же подолзе времени не движуще никого». В словах «не движуще» заключена значительно более полная картина, чем в словах «не казняху», которыми некоторые поздние переписчики заменили их. Впрочем, в поздних списках встречаются свои яркие детали. В одном из новгородских списков палачи никак не могли «сторонить» труп; это сочетание в одном слове «сронить» и «сронуть» очень выразительно. Иначе, но тоже хорошо сказано об этом же в списке ГИМ, № 3996: «никако не возмогоса труп с ног збити и главу утолити».

У нас нет никаких данных, а следовательно и ни малейшего намерения утверждать прямую связь повести с позднейшими произведениями русской литературы, в частности с «Песней про купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова и с «Василием Шибановым» А. К. Толстого. Более того, можно думать, что ни тот, ни другой поэт эту конкретную древнерусскую повесть не читал. Тем не менее в их произведениях есть общее с повестью. Выше уже приводилось место из повести о народном страхе перед казнью, которое очень схоже с соответствующим описанием А. К. Толстого. Образ гонца, издали машущего шапкой, вновь невольно напоминает слова А. К. Толстого о появлении В. Шибанова:

Вдруг едет гонец, раздвигает народ,
Над шапкою держит посланье.

Исходя из того, что повесть не была известна писателям XIX в., можно тем сильнее лишний раз поражаться их глубокому проникновению в дух исторической эпохи. Не зная о существовании данной повести, М. Ю. Лермонтов, интуицией гениального художника, нащупал конфликт между купцами, возглавлявшими городской посад, и царской властью, с ее служилыми людьми, псарями и кирибеевичами. Он создал образ смелого прямого, во всех отношениях достойного человека из народа — купца Калашникова, который не согнул головы ни перед царским слугой, ни перед самим царем. И эта демократическая линия великого поэта в описа-

³⁰ Ср. В. К. Соколова. Русские исторические песни XVI в. — В кн.: Славянский фольклор. Материалы и исследования по исторической народной поэзии славян. М., 1951, стр. 18.